

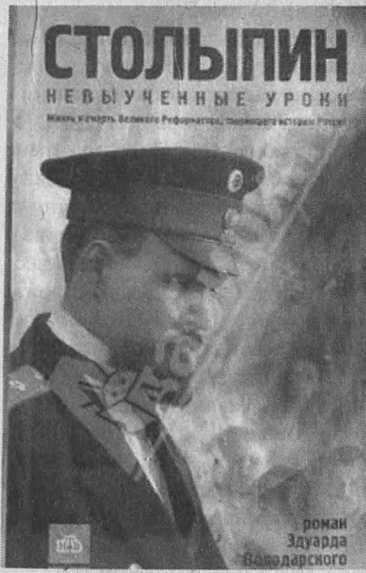
ПЕТИТ

ИГ Ex Libris - 2006 - 28 сент. с. 9.

НАМ ОПЯТЬ ПОМЕШАЛИ
Эдуард Володарский. Столыпин. Невыученные уроки.
— СПб.: Амфора, 2006, 558 с.

Ни одно государственное дело в России не останется безнаказанным: или сериал снимут, или книжку издадут. А лучше и то, и другое сразу: чтобы среднестатистический потребитель сильнее проникся, глубже осознал... Впрочем, если в основе сценария лежит историчес-

кий документ — его печатать и полезно, и приятно. Вот, Савинкова, например. П.А. Столыпину повезло меньше — архив премьер-министра для галантной публики неудобочитаем. Все-таки программа преобразований составлялась с оглядкой на экономику, право — суховата. Поэтому и появился роман-сценарий Эдуарда Володарского «Столыпин. Невыученные уроки». Петр Вяземский как-то заметил: «Русский человек вообще порядка

не любит; закон и подчиненность ему претят натуре его». Нельзя сказать, чтоб особенно оригинальная мысль, но... Почему же все чаще и назойливей пытаются сказать: нет, мы не виноваты! Россия непременно была бы великой державой, с населением в 343 миллиона человек, удвоенным ВВП и обогнала США по производству мяса и молока. Была бы, но помешали. Не дали завершить великую реформу! Книга Эдуарда Володарского как раз об этом. Что, если бы реформа Столыпина была доведена до конца, Россия стала бы первой в мире. Вне всяких сомнений. Причем понимает это не один Столыпин, а эсеры, чиновники, офицеры. Пони-

мает и Государственный совет — не переставая при этом говорить о «катастрофе». Государь не понимает, но догадывается. Володарский настойчиво проводит генеральную линию романа: россияне ужасно патриотичны. Как говорил Герцен, «непереносимо». И в силу этого патриотизма они тащат воз в разные стороны. В книге вообще положительных героев больше, чем отрицательных; возможно, поэтому в ней и вымысла больше, чем правды. Вернее, не вымысла, нет, а «художественных дополнений»: в конце концов, кто сказал, что истории реформ и революций должно преподносить без влияния личного фактора — ведь не учебник! Как раз личного фактора в романе

много: БГ партии эсеров в полном составе, императорская фамилия — не в полном, правда, но внушительном; думцы, студенты, декаденты... И, конечно, среди всех фигура Столыпина. Вот только выглядит он не слишком убедительно, теряется. Не «Великий Реформатор» (как заявлено в аннотации), а средней руки актер с неловкими, слишком правильными речами. Удивляют ляпы: Гершуни называют то Егором, то Василием, в комнате, где заседают четверо, говорят пятеро и пр. Зато очень трогательно прописана любовь террориста Богрова...

У поклонников сериала роман, несомненно, вызовет тихую ностальгию.

Александра Ставрогина

Володарский
Эдуард